

Ингрид Тобуа

Родилась в 1980 г. Много путешествовала. Целый год колесила по свету в составе группы «Л'юзаж дю монд» вместе с Николя Бувье. Входила в состав миссий наблюдателей на выборах в Демократической Республике Конго, в Азербайджане и в Молдавии, преподавала французский язык в Кабуле в 2003-2004 гг., писала репортажи для прессы и радио, в частности из Ирана и Гаити. В 2007 году удостоена премии за свой первый роман «Король Афганистана нас не поженит». Кроме того, были также опубликованы несколько её новелл в журнале «Сенсо» (“Senso”) (№30 и 33).

Библиография

«Король Афганистана нас не поженит»	изд. «Фебус»	2007
«Ангел-автомат»	изд. «Фебус»	2008
«Тень весны»	изд. «Открытый клюв»	2008
«Нассим и Нассима (роман для молодых)»	изд. «Улица мира»	2009

Июнь, 2009. Ингрид Тобуа

.....

...

«ВETИВЕР»

Самюэль проснулся с криком. Ночные кошмары пронизывали его каким-то мистическим чувством, чем-то между ознобом и тошнотой. Потягиваясь, он с удивлением, но без всякой радости, отметил, что руки-ноги у него на месте. Умылся, освежил лицо. Выбросил в мусорку лишнюю зубную щётку. Вытирая руки, покосился на висящее на крючке кольцо. Поставил флакон с духами «Ветивер» в центр пустого столика и протер губкой умывальник.

Стакан виски с содовой, пачка сигарет. Подступающая ненависть к самому себе, преследующая с тех пор, как Жан-Батист стал жертвой дорожной катастрофы... вплоть до того, как в жизни его самой появилась Язуко.... Исчезла она вдруг, после их непродолжительной совместной жизни – спустя двенадцать недель. Ушла так же

неожиданно, как и появилась. Испарилась. Два слова торопливым почерком на клочке бумаги, придавленном журналом, и - быстрые шаги за хлопнувшей дверью.

Всё было так недавно. Всё произошло так стремительно. Самюэль стал забывать её, стоило ему столкнуться с реальными признаками её пребывания – знакомым запахом, цветом или звуком – всё вновь всплывало перед глазами. Бреясь перед зеркалом, он как бы видел её лицо отражённым рядом со своим – её широко распахнутые глаза под широким лбом, маленький носик, миниатюрный ротик, широкие скулы, щёчки с ямочками.... Всё это напудрено и обрамлено копной чёрных волос. Молодая девушка напоминала песочные часы. Считал ли он когда-либо её красивой?

В стенном шкафу и на полках в гостиной комнате Язуко не оставила ничего, кроме ожерелья с прямоугольными подвесками, которые она снимала, прежде чем принять душ. Самюэль был в замешательстве – выбросить это в мусор или нет. Отнёс в ванную комнату. Пропустил глоток виски и пожурил себя за то, что каждый раз всё меньше и меньше разбавлял его содовой. На его локтях отпечатались морщинки от кожаных подлокотников. Самюэль испытывал презрение к себе за свою неискренность: он чувствовал себя не столько несчастным, сколько униженным. Прочистил горло, напоминая человека, пытающегося скрыть истинную причину наворачнувшихся слёз.

Итак, он снова заживёт бобылём, оставшись без свидетеля своего тщеславия.

ИЩУ ПОМОЩНИКА ПО ДОМУ НА ПОЛНЫЙ ДЕНЬ. ПРЕДОСТАВЛЯЮ КРОВ И ПИТАНИЕ. ПРЕМИЯ ЗА НЕПРЕРЫВНОСТЬ РАБОТЫ В ТЕЧЕНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ. СРОЧНО. КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН... Газета, совсем недавно зажатая между большим и указательным пальцем, оставлена в туалетах аэропорта Руасси-Шарль де Голль. Язуко «отклеила» влажную газету от приступа под умывальником и просушила её под ворчанье воздушного полотенца. Номер телефона почти не прочитывался. Можно было, конечно, ответить почтой, послав открытку, но для ответа требовался конверт с маркой. Язуко не знала, что означают слова «проштампованный конверт»: они ровным счётом ничего стоящего ей не напоминали. Владела ли она всем необходимым словарным запасом? Впрочем, у неё не было ни одного адреса, по которому она могла бы отослать корреспонденцию в Париж.

Самюэль положил сахар в кофе и развернул газету. В поисках материала для романа по утрам, каждое воскресенье, он читал объявления в рубриках ВСТРЕЧИ и РАБОТА в газете «Появилось – продано». Обе рубрики должны были составить одну: эти презренные «условия встреч и знакомств» прочитывались одними и теми же людьми с такими скудными запросами, что они не могли провести грани между перечнем участников дерби и просто мыслью, которая сама по себе может принести радость.

Ему было тридцать девять лет. Квадратное лицо, греческий нос, плоский лоб. Взгляд серых глаз, как бы закавыченных тремя морщинками у висков. Губы удивительно тонкие, женственные. Узловатые руки подстать плотному телу, которым он умело пользовался, но никогда для любовных утех. Обаятельным он становился, когда улыбался. Сегодня он попал в окружение женщин и старался увернуться от них так, как обычно объезжают ямку на дороге. Помимо небольшой редакции в специальном журнале, посвящённом минимоделям машин, где он служил корректором, и книжного магазина, торгующего подержанными книгами, Самюэль не посещал ни одного общественного учреждения. Иван, библиотекарь, был единственным человеком, с которым он общался.

У него был младший брат. Они были близки, и Самюэль его обожал. Но когда в жизни Жана-Батиста случилось несчастье, Самюэль даже в зеркале не мог смотреть на его полупарализованное лицо. До сих пор оба брата так походили друг на друга, что, несмотря на разницу в пять лет, их считали близнецами. По возвращении брата из госпиталя Анри Мондор, который Самюэль посетил всего один раз, он порвал письмо Жана-Батиста, адресованное директору оперного театра. Карьера брата в качестве профессионального танцора потерпела фиаско. Его голос напоминал теперь «звуковую похлёбку». Самюэль перестал ему звонить. На расстоянии, правда, он всё ещё оказывал ему редкие услуги: в последний раз он передал ему небольшое объявление.

Утопая в кожаном кресле, Самюэль повернулся спиной к постоянно закрытым окнам, а пресса, разложенная перед ним, как бы подтверждала его одиночное заключение. Пребывание один на один со своими газетами и кофе значило для него всё, чего он ожидал от жизни. «Плюс» к этому, потом придёт настоятельная необходимость «включить» мотор счастья, счастья ненасытного, которое всегда заканчивалось чувством нехватки воздуха.

Он скрутил в свиток газету «Появилось – продано», пожалев человека, который откликнется на это объявление. И вот тот уже стоит перед глазами! Публикация – это нечто вроде детской игры... Но его взгляд проник сквозь стенки коробки, набитой шахматными фигурками. *Это неподъёмная тяжесть!* Едва расставив, он стал подталкивать их к дверям, всовывая им в руки деньги. Он не терпел никаких намеков в отношении содержимого этой коробки, любовь к которой становилась одиозной. Самюэль прогнал эти лица, вытолкнув их за дверь. Он снова вслух перечитал своё объявление - игриво, с декламацией, но вдруг замер... испугавшись, что раскрыл свой собственный номер телефона.

Обессиленная двенадцатичасовым полётом, досадуя на свой «заблудившийся» багаж, Язуко тихо оплакивала разницу во времени, своих родителей и тоску по родине. Сидя

на корточках в телефонной кабине, она терпеливо ждала, пока не перестанет всхлипывать и не обретёт свой голос, чтобы набрать номер телефона с измятой газеты.

Самюэлю никто не звонил. Порой на линии звучал какой-то женский меланхоличный голос, готовый вот-вот расплакаться. Номер был скрыт. Вскоре Самюэлю надоели настойчивые звонки.... Жан-Батист? Перевернулась инвалидная коляска? Он повесил трубку.

Привлекательность голоса нового абонента вдруг поразила его - тот терроризировал его своей безнадёжностью и мелодичностью. *Алло? Алло?* Отрывистые фразы на французском, напоминающие скошенную траву, будто голосовые связки всё никак не оттают после прохождения через Северный полюс. Язуко извинялась, что побеспокоила его. *Что означает проштампованный конверт?* Кончиком указательного пальца он водил по объявлению... это было где-то напечатано, включая ошибки. *Что же всё-таки означает проштампованный конверт?* - настаивала Язуко. - *Встречаемся через три часа перед пирамидой Лувра!* Самюэль повесил трубку, и, сцепив пальцы рук, обхватил голову. Порыв сердца задел его мужское самолюбие. Угрызения совести напомнили о пустом желудке. Потом пришло счастье.

Одинокая слезинка скатилась по щеке Язуко, прочертив тропинку в её макияже. Аэропорт Нарита смешался в её сознании с палящим солнцем токийской бухты. Она смяла объявление и хотела было его выбросить, но потом разгладила на колене, сложила и заключила в висящий на шее квадратный амулет. Перевела взгляд покрасневших глаз на информационное табло аэропорта.

В то время как Язуко наблюдала за проплывающим парижским пригородом, Самюэль пребывал в нерешительности – следует ли ему сменить сорочку, а Жан-Батист выполнял свои ортопедические упражнения. Прикрыв рукой здоровый глаз, он побуждал другой двигаться горизонтально от правого колена к левому, а затем от левого к правому. Затем устремлял взгляд к полу, поднимал его к потолку и обратно, от потолка к полу. И наконец по диагонали – от репродукции Бэкона к репродукции Шагала, затем от Шагала к Бэкону. Обессилев, попытался проследить за маршрутом мягко прогуливающегося кота, но тот сразу исчез из его поля зрения.

Самюэлю нужно было только подписать расписку о том, чтобы Жан-Батист оставался в стационаре больницы. Медицинскому персоналу передали перечень необходимых переделок в квартире брата: соответствующее покрытие пола, установка поручней,

перил для подтягивания и сиденье для душа. Никакой экспертизы не проводилось. Работники скорой помощи, которые привезли Жана-Батиста домой, помогли ему переставлять ноги, поднимаясь на третий этаж.

- Вот мы и дома! Вы уверены, что всё пойдёт, как надо?

Жан-Батист постучал в свою собственную дверь.

- Она, должно быть, замешкалась, делая покупки! Он обыгрывал в больнице эту сцену несколько раз.

Несчастный случай с ним произошёл более года назад. Это привело к нарушению работы сосудов головного мозга. Но всего только раз у себя дома Жан-Батист пришёл к осознанию того, что больше не сможет управлять кнопками газовой плиты, не сможет открывать дверцу холодильника, ставшую такой тяжёлой. Теперь ему, обезображенному акробату, бесконечно долго придется пересекать узкий коридор.

Язуко задремала, прижавшись лбом к стеклу окна поезда. Полупустая сумочка в её руках поднималась и опускалась в такт дыханию. Прядь волос закрывала половину ее лица. Вытянутые и скрещенные в лодыжках тонкие ноги, согнутые в коленях, напоминали лапки бумажного кузнечика.

С самого детства Язуко находила удовольствие в складывании фигурок из бумаги: своего первого журавлика она изготовила прежде, чем стала ходить. В пять лет складывала такие сложные фигуры, как газель или стерхи. В восемь завоевала все призы по оригами в Шибе, где она родилась, и в Йокогаме, где пошла в школу. История могла бы на этом закончиться, но бабушка Язуко была маленьким тираном с шершавым поцелуем и необузданными амбициями. Кроме того, она не терпела Японию. Когда умер её муж, Мэи испытала только облегчение. Наконец-то! Лишь бы суметь продать кимоно и оби, которые в течение сорока лет сдавливали ее маленькую грудь и которую она полностью отвергла в первые же годы своего замужества. Ну да ладно! Суметь быстренько избавиться от своих гета, когда считалось хорошим тоном выбирать их самые маленькие размеры. Ладно уж! Отныне не будет нужды в отговорках, чтобы не посетить компанию добропорядочных женщин, собирающихся распивать зелёный чай в Шибуйя, а потом пойти посмотреть на молодых девушек, наряженных, как летучие мыши. В семьдесят лет, только что похоронив мужа на кладбище Айоама, она побежала покупать свои первые кроссовки, очень узкую майку T-shirt с мелкой надписью «I love Paris» и полиамидные панталоны стрейч.

Мэи повозила свою маленькую внучку по всем небольшим городкам, расположенным вокруг столицы, для участия в конкурсах оригами, а затем свезла в сам Токио, где соперники достаивались наград и поощрений. Ребенок не имел права участвовать в конкурсах для взрослых... Наплевать! Мэи объявила Язуко вышедшей из детского

возраста и записала её под своё собственное удостоверение личности. В столице соперники Язуко потерпели такие же неудачи, как в Шибе и Йокогаме. Привыкшая к простым играм, Язуко семенила за Мэи. Ее слава облетела Японию быстрее весеннего цветения вишнёвых деревьев – Киото, Осака, Нагоя, вплоть до Саппоро... На каждом вокзале их встречали овациями. Мэи расплывалась в улыбке в свете мерцающих лампионов. Язуко отворачивалась. Несмотря на свой успех, она оставалась сдержанным ребёнком, который, несмотря ни на что, сходил с ума по мороженому крем-глассе с зелёным чаем. На всю жизнь ей запомнился лёгкий вкус этого мороженого, а в глубине глаз остался отблеск зелёных фисташек. Всякий раз, когда она прибывала на новое соревнование, первой её заботой было найти торговца мороженым.

Чтобы Язуко могла покинуть Японию, Мэи была готова рассориться со всей семьей. Ни намек на возможное обсуждение проблем, связанных с отъездом. Мсье и мадам Дедожи не поняли причины отдаления от них дочери, но ее решение уважили. Когда Язуко поднялась в вагон экспресса, отправлявшегося в Нариту, мать заключила ее в объятия – ни сильно, ни слабо. Было начало июля. Отец донёс чемодан до ее кресла в вагоне и спросил, не забыла ли она взять с собой теплые вещи. Не ожидая ответа, коротко поцеловал ее в лоб, сжав обе ее руки. Затем вновь погрузился в молчание, вставляя реплики лишь в чисто практических ситуациях, говоря, например, что когда он снимает трубку телефона, его жена включает фэн и начинает сушить свои волосы. Поезд ещё не тронулся, когда они покинули платформу. Из зоны международного аэропорта Нарита Язуко смотрела на силуэт своей бабушки, мелькающий сквозь проплывающие толпы пассажиров. С такого расстояния она не могла прочесть выражения её лица. А с близкого наверняка бы заметила, как две слезинки закатываются под бумажный крепон на ее шее. Сама же Язуко отдала бы все на свете, чтобы расплакаться.

х

Самюэля поглотило метро. Принял ли он всерьез голос, прозвучавший с другого конца света? Поездка была не прямой. Давеча он предпочёл сменить сорочку и пожалел: он окаменел от стыда, когда увидел своё отражение в окне вагона.

Язуко устроилась на парапете бассейна близ эспланады Лувра, напротив пирамиды, которая посылала ей перевернутую картинку Токио-Биг-Сайт. Она подскочила от страха, когда у её щиколоток лопнул воздушный шарик. Ребёнок рассеянно посмотрел на молодую женщину и, не сгибая колен, оперся ладошками на землю, - привилегия, доступная детям до пяти лет. Потом он удалился, расставив ножки и задрал попку кверху, образуя треугольник и катя перед собой воздушный шар.

Капля упала на землю у ног Язуко. Затем две, три, четыре, а потом девушка перестала считать. Вода, разбавленная пылью, струйками стекала по пирамиде. Резкие порывы

ветра уносили с собой все, что не было привинчено к земле, или было достаточно легким. Язуко решила не двигаться, охваченная идиотским романтизмом, который слезам предпочитал, смерть, а поиску укрытия - хлесткий дождь. Крики детей были такими пронзительными, что перекрывали раскаты грома. Язуко была слишком подавлена, чтобы чувствовать себя причастной к происходящему, и даже не моргнула глазом, когда очередной порыв ветра унёс её сумочку.

И там, во мгле, в которую погрузился город, она заметила розовую точку.

С трудом покинув чрево метро, Самюэль схлопотал мяч в лицо и споткнулся о сумочку, которую подобрал. Его сорочка мгновенно промокла насквозь. Он немного поворчал, а потом развеселился - влага сделает эту розу пурпурной. В двадцати метрах от эспланады он уже не различал пирамиды, растворившейся в сполохах грозы. Он продвигался с трудом, преодолевая сопротивление ветра. Пришедшая было в голову мысль ретироваться исчезла. Он бежал к своей незнакомке, которой ему не хватало, как какой-то части самого себя.

Жану-Батисту удалось наконец открыть окно в кухне. Дождь хлестал его по лицу, но он не чувствовал никакой боли. У его ног росла лужа, в которой перевернутые облака неслись по небу во весь опор. Эту картинку сменила мысль о движении, причем так естественно, что без неё эта мысль, как прежде, до того, не приходила ему в голову. Хлопнула створка окна, и стекло разлетелось вдребезги. Жан-Батист сформировался в таком искривленном мире, в каком изображения преподносятся без «звуковой дорожки». И только некоторые высокие ноты достигали его барабанных перепонок. Но память его обладала такой остротой, что он мог мысленно воссоздать эти ежедневные симфонии. Он придавал им цвета, которые, как нотные знаки, в строгом порядке выстраивались в его мозгу.

Гемиплегия (паралич одной половины тела - А.К.) обезобразила его лицо. Он потерял большую часть своих физических навыков. Оставались подвластными лишь мелкие удовольствия: сжимать между большим и указательным пальцами ткани, смягчённые годами стирки, и уши кота до тех пор, пока тот с фырканьем не спасался бегством. Что касается женских ласк и любви, мысль о них он, насколько возможно, от себя отгонял. В части танца... его способ не пересекать последнюю черту, отделявшую его от безумия, состоял в том, что он обносил каменной стеной эти воспоминания. Однако ночью он мечтал о том, как потянется и вытянет связки, как сожмёт мускулы, представлял себе изгибы поясницы и позвоночника, и в этот момент в его душе начинала звучать старинная музыка, сливаясь с телом в единое целое.

Ему было тридцать два года, когда он испытал прилив счастья, смешавший все его мысли и то, от чего он старательно пытался отгородиться. Еще он почувствовал, как его тело становится невесомым. Потом кровь собралась в некоей одной точке головы, а насос сердца, казалось, ослаб. Жан-Батист обмяк и рухнул на пол, увлекая в своем падении солнце, отражённое от начищенного круглого бока чайника.

Неустранимо - вынесли заключение медики.

xxx

Самюэль растаял, увидев Язуко, и только случайно немедленно не заключил ее в объятия. Он протянул ей сначала руку, потом сумочку. Нахмутив брови, Язуко вопросительно взглянула на него. Он ответил пожатием плеч. Их лица одновременно просветлели, сбросив маску грусти, которую, как они полагали, им суждено было носить постоянно.

- Вы мне только что позвонили. Простите меня, пожалуйста, я даже не представился.

Язуко копалась в своей сумочке. Самюэль взглядом следил за движением её маникюренных пальцев. Она склонила голову, протянув ему двумя руками прямоугольник разлинованной рисовой бумаги. *Язуко Дадочи* было на нем написано синими чернилами. И больше ничего. Он поблагодарил, сложил визитную карточку и сунул в задний карман брюк, не подозревая, что поступает не совсем прилично. Между тем дождь не переставал лить. Самюэль взял Язуко под локоть и повёл её к метро.

Прошло менее часа с тех пор, как они познакомились, и тут обнаружилось, что они сидят за неубранным столом в неприбранной комнате. Квартира Самюэля пахла сном и поджаренным хлебом.

Самюэль устроил Язуко в отеле, напротив своего дома. Она не задала ни одного вопроса. Он нашел для нее кучу бесполезных дел, которые следовало переделать. Она переставила в обратном алфавитном порядке книги, которые были уже расставлены должным образом. Разложила в хронологической последовательности журналы, разбросанные в помещении для мусора. Каждое утро она делала то, о чём её просили, а вторую половину дня посвящала прогулкам по Парижу. В конце дня она приходила к Самюэлю, и они вместе составляли план работы на следующий день. Заканчивался июль. Самюэль отключил свой городской телефон. Вечерами, уходя с работы, бежал в бакалейную лавку, располагавшуюся напротив его бюро. Потом бегом возвращался домой. На лестничной клетке гримасничал, чтобы расслабить мышцы лица и, глядя в зеркальные металлические почтовые ящики, строил рожи, ухмылялся, одёргивал пиджак, скидывал головной убор, заправлял сорочку в брюки и тут же ее выпрастывал.

- Язуко! Вы все еще здесь в такой поздний час?

Что касается того, чтобы пригласить девушку на обед... Самюэль всегда выбирал момент, когда его с трудом можно было бы расслышать: скажем, когда он с головой залезал в холодильник и шарил там, или когда с шумом мыл руки, или когда на кухне гремел посудой. В первые недели Язуко отказывалась. Потом, обуваясь и переодеваясь, стала тянуть время. В конце концов, согласилась принять его предложение.

В середине августа обработка особы женского пола была завершена: Язуко упала в его объятия. Самюэль в этом усмотрел эффект созревшего яблока. А потом уже ничего не видел. Поцеловал Язуко в затылок, от которого исходил сложный запах. Сначала мелко покусывал её в затылок, а потом укусил сильно. Лёгкие одежды девушки одна за другой ниспадали на паркет, а с Самюэля одежда сползала, скромно смятаясь комом. Скрипели паркетины. Тела сталкивались с хореографической плавностью, удивительной для двух существ, у которых никогда раньше не было случая приноровиться друг к другу. Изогнувшись во время самого долгого в мире поцелуя, Язуко уступила напору Самюэля, обнявшего ее за поясницу. Рука Самюэля скользнула к ее напряженно вытянутой ноге... Девушка обвила его талию и привстала на цыпочки. В куче одежды исчезли и ее сережки...

Авиакомпания потратила три недели на поиски багажа Язуко. Этот чемодан из обыкновенного чёрного пластика был настолько компактен, что трудно было себе представить, что он отправлен из Токио. Язуко хотела было снять его с верха шкафа, но чемодан свалился, подпрыгнул на кровати и вывалил содержимое на ковер. Девушка сложила в него одежду, пару зимней обуви, зонтик, фен и косметичку. Собиралась было сунуть в боковой карман фотографии Мэи и своих родителей, когда вдруг заметила возле ножки кровати бумажного журавлика. Язуко подобрала его и удивилась тому, что складки бумажной птицы не пострадали за все время путешествия, проведённое в кармашке чемодана.

Прошло три недели с тех пор, как Самюэль перестал звонить Жану-Батисту. У каждого своя жизнь. Но после аварии Самюэль занимался собой больше, чем Жаном-Батистом. Как там у него с объявлением? Но Самюэль не находил времени для разговора: *совещание - горы работы - завершающий работу день - в редакции кипит работа...* - вот его отговорки. Подгоняемый страхом, он собирался повесить трубку, но Жан-Батист его опередил:

- Говорят, что у тебя какие-то проблемы с городским телефоном...как-будто из-за... неполадок в сети...

Самюэль проверил. Положил трубку, потом снова снял и набрал номер телефонного агентства:

- Я хотел бы отключить свой телефон... навсегда, да... и как можно скорее... благодарю вас...

xxx

Соединив руки в запястье, Язуко коленкой постукивала по своему чемодану, который держала, как школьники держат свои портфели. Напевала вполголоса, ожидая проезда машины. Пересекла улицу, разделявшую ее отель и дом, в котором проживал Самюэль. Набрала код дома, толкнула входную дверь, нажала на кнопку вызова лифта, хоть и знала, что вот уже два месяца, как он вышел из строя. Потом она преодолела пешком все пять этажей, держась рукой за перила и стараясь оживить воспоминания детства, которого никогда не существовало.

- Ты потратила столько времени, укладывая так мало вещей!

Язуко улыбнулась и поставила чемодан у своих ног, оставаясь стоять в коридоре перед входной дверью.

- Ты не снимешь куртку? Что с тобой случилось? У тебя грустный вид.

Язуко промолчала, поцеловав его в висок.

Впервые после несчастного случая с братом Самюэль почувствовал лёгкость. Он освободил половину своего стенового шкафа и столик в ванной комнате. Чтобы поздравить Жана-Батиста с днем рождения, заставил себя позвонить ему, но телефон молчал. Попытается набрать номер попозже. Пойдёт к брату с визитом. Но ...забыл.

Самюэль и Язуко прожили вместе три месяца над китайскими ресторанами, чад и ароматы которых его уже не беспокоили. Он даже согласился открыть окна. В тот день, когда Язуко переехала к нему, она спросила, почему он упомянул в объявлении о помощи по дому, в чем явно не нуждался. Самюэль был слишком счастлив, чтобы заподозрить скрытый подвох. Он ответил, поднимая Язуко на руки, кружась с ней, смеясь и срывая ее поцелуи. Он поместил это объявление, - сказал он, - чтобы встретиться с ней. *С ней!* Язуко с уважением восприняла такой способ освещения вопроса.

Стены спальни были белые и голые. Занавеска цвета красного дерева отгораживала комнату от двора, не погружая тем не менее её во тьму, - Самюэль боялся темноты. Матрасы были жесткие. Лампа у изголовья кровати освещала комнату ровно настолько, чтобы они могли заниматься любовью. Свежие простыни были прекрасно отглажены. Самюэль был одержим желанием держать все в чистоте. Он так тщательно умывался, что от него почти не пахло. В течение трех месяцев Язуко просыпалась под шум лившейся из душа воды. Он всегда начинался с мощного звука в течение короткого

времени, необходимого для того, чтобы температура воды достигла желаемых градусов. Затем интенсивность гудения снижалась, а шум напоминал равномерную струю фонтана, в зависимости от направления струи. Процедура завершалась ударом сетки душа о стенку ванной. Тогда наступало время Язуко – нужно было вставать. Когда она, в свою очередь, входила в ванную, можно было подумать, что тут только что произвели уборку – ни одной капли, упавшей на пол. Полотенце сложено так, как в гостинице. Язуко открывала окно, чтобы избавиться от одуряющего запаха «*Ветивера*». Эти духи, которыми Самюэль душился каждое утро, гарантировали его идентичность на протяжении всего дня. Что станет с ним, если в один прекрасный день эти духи исчезнут?

- Духи стоят дешевле, чем психоанализ.

Эта шутка не рассмешила ее.

xxx

Язуко нашла работу в фирме «Мечта лестничной клетки». Она говорила на прекрасном французском, без акцента, но не это повлияло на решение главы фирмы Ивана. Скрепсы, застёжки, сшивка тетрадей, склейка обложки, хорошее состояние углов тетради, прямота обратной её сторонки не составляли никакого секрета и затруднения для молодой женщины. После нескольких сгибов, склеиваний и обрезаний она превращала книги, смятые, как заношенные хаки, в сверкающие тома. Это было именно то, что требовалось тому, кто килограммами покупал издания, избежавшие самых запыленных чердаков и самых сырых погребов.

Вечерами Самюэль заходил за Язуко в библиотеку. Плохо приученный к счастью, он входил осторожно, как опасливо ступают по незнакомой местности. Тем не менее, сознание того, что рядом Иван и книги, прошедшие через тысячи рук, вызывало в нем прилив чувственного желания. Вполне естественно, что он связывал это состояние со смешанным запахом бумаги и пыли. Если бы он захотел подвергнуть детальному анализу это очарование, он обнаружил бы сложную смесь отсутствия и присутствия живых существ, сменяемую подозрением присутствия металла, который щекотал мускулы челюстей. Самюэль воздерживался от разбора ситуации, которая предоставляла ему редкое чувство покоя и тишины.

Иван и Самюэль почти ничего не знали о жизни друг друга. Оба мужчины с уважением относились к общему для них культу молчания. Книгопродавец догадывался о природе дрожи и озноба, охватывающих Самюэля, когда тот, затаив дыхание, проходил сквозь книжные ряды. Движения его были заторможены, как если бы он преодолевал невидимую водную преграду. Самюэль ласково гладил покрывавшую книги ткань,

мягко, как к больному зубу, прикасался к ней пальцем и иногда приподнимал за край. Мало кто из клиентов-посетителей могли по достоинству оценить это помещение, которое составляло суть жизни Ивана.

Он и Язуко плели свои отношения, подобно двум паукам. Человек, которого они делили между собой, неожиданно исчез. Вскоре эти отношения стали касаться только их молчания, их случайного соприкосновения (пardon – pardon!) и шлейфа запахов и ароматов, оставленного одним из них. Поскольку их было только двое, они никогда не устраивали перерыва вместе и, хотя здесь, собственно говоря, народу бывало не так уж много, чтобы им мешали своими разговорами. И не потому, что клиенты толкались, а потому что каждая книга проходила через такое большое количество рук, кроватей, прикроватных тумбочек, кресел в вагонах поездов, откидных столиков в самолетах, углублений в стольких скамейках, что это сильно давило на каждую клеточку их жизней, и у них всегда возникало ощущение, что библиотеку заполняла целая толпа читателей.

Инвалидная коляска перемещалась по тротуару невыносимо медленно. Изгибы и уклоны облицовки тротуара затрудняли ее движение. Упираясь взглядом в витрины магазинов, Иван спрашивал самого себя, что же могло случиться со столь молодым человеком. Его сходство с Самюэлем разочаровывало. Когда он оглянулся, Язуко уже не было возле него. Иван ждал ее возвращения несколько дней. Потом перестал ждать. Что касается Самюэля, его больше никто не видел – ни в редакции, ни в фирме «Мечта лестничной клетки».

Ингрид Тобуа, 2009

Перевод с французского Александра Калантарова